

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

STATE AND LAW IN CONTEMPORARY WORLD

DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-843-863

Research Article

THE LAW OF THE FUTURE: SEARCHING FOR NEW TRUTHS OR CONSERVING TRADITIONAL VALUES?

Elena E. Rafalyuk

The Secretariat of the Court of the Eurasian Economic Union,
Minsk, Republic of Belarus

Abstract. The digitalization of the economy and society, the introduction of artificial intelligence in human activities actualize a number of new issues related to both the legal support of these processes, and areas of development of law as a regulatory system, and the relationship between law and technology. Understanding of law in conjunction with other social institutions determines its role not only as a normative regulator, but as a cultural and historical phenomenon. The aim of the article is to analyze the problem of changing the value (ethical and moral) element of law in the context of technology development. The investigation will be based on an interdisciplinary approach. The author concludes that the progress of law is defined by the values protected by it, which traditionally includes justice, equality, good faith, common sense, etc. The transformation of human-technology relations at the present stage raises the question of moving toward technological humanism or turning to traditional humanism. The author formulates the hypothesis that the law in its value component cannot be replaced by artificial intelligence. The research studies the forms of securing value ideas in international law. By the example of international acts and case law it is shown that international organizations are in search of a balance between the use of artificial intelligence and respect for human rights. It is concluded that the law is able to maintain its essential foundation without turning into technology, addressing universal principles of law, and searching for the balance between scientific and technological progress and human rights.

Key words: artificial intelligence, digitalization, transformation of law, human rights, international organizations, principles of law, axiology, values, neuroethics, interdisciplinarity

© Rafalyuk E.E., Nikolaeva A.I., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.
Translated from Russian into English by A.I. Nikolaeva.

Article received 11 August 2020

Article accepted 15 October 2020

For citation:

Rafalyuk, E.E. (2020) The law of the future: searching for new truths or conserving traditional values? Trans. into Engl. by A.I. Nikolaeva. *RUDN Journal of Law*. 24 (4), 843–863. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-843-863.

Law is a part of society and it reacts to all changes that occur in it. Digitalization as a global trend in the development of economy and society based on transformation of information into digital form (Khalin, Chernova, 2018:47), shift to other forms of communication through on-line technologies, introduction of remote working and studying, which were widely used during the fight against COVID-19 pandemic, undoubtedly influence the development of law as a regulatory system.

Legal theorist and philosopher Werner Krawietz noted that “...New technological possibilities have changed the practical possibilities that a person has in his/her legal actions, but with them and through them, the social reality of law has also changed” (Krawietz, 1998:123).

The change in the “human-technology” relationship (Vlasova, 2015:170–173, Kasavina, 2018:129–142, Rostova, 2019:50–59) as a philosophical problem raises before legal science a new range of issues related both to the legal support of digitalization and various legal aspects of artificial intelligence application and development of law in the digital age, and correlation between law and technology in general¹.

The use of artificial intelligence is rapidly expanding, including in the field of legal activity. “Robotization and technologization of legal activity are quite common” (Khabrieva, 2018:13): self-learning algorithms are used for analyzing large amounts of data and investigating crimes², artificial intelligence is used to perform certain tasks of a lawyer (Ponkin, Redkina, 2018:91–109), in judicial and banking activities, corporate procedures (Vojnikanis, Semenova, Tyulyaev, 2018:140), etc.

¹ Concerning the Russian legal doctrine we can mention a few articles devoted to the development of law in the digital age: Zaloilo, M.V., Pashentsev, D.A. (2019) National legal order of Russia in the conditions of digitalization. *Bulletin of Saint Petersburg University. Law*. Vol. 10. Issue 2. 196–209; Mazhorina, M.V., Terentjeva, L.V., Shakhnazarov, B.A. (2019) International private law in the context of the development of information and communication technologies. *Topical issues of Russian law*. No. 5 (102). 169–182; Muratova, O.V. (2019) The concept of transnational consumer law in the modern world. *Lex Russica*. No. 7 (152). 20–28; Talapina, E.V. (2018) Law and digitalization: new challenges and prospects. *Russian Law Journal*. No. 2. 5–17; Khabrieva, T.Ya., Chernogor, N.N. (2018) Law in the conditions of digital reality. *Russian Law Journal*. No. 1. 85–102; etc.

² Donk, R. (2020) Using algorithms in police investigations, available at: // <https://www.ru.nl/ai/news-events/news/vm-news/using-algorithms-police-investigations/> (Accessed 01 June 2020).

The expanding digitalization generates a normative transformation (Tikhomirov, 2020).

The normative transformation seems to be taking place in several directions. Firstly, legal regulation of various aspects of artificial intelligence and robotics application is being developed (Neznamov, Naumov, 2017:14–25). Secondly, the law itself, as a social institution, is undergoing certain changes: “it gradually accepts, as subjects and new atypical objects, phenomena that, according to the old legal classification, have an inanimate, non-subjective and non-objective character like genome engineering, biotechnology, Internet, and artificial intelligence” (Sinyukov, 2019:11).

So, it can be noted that the Law of the Russian Federation No. 1-FKZ “On Amendment to the Constitution of the Russian Federation” dated March 14, 2020 (Article 1, paragraph 6, subparagraphs “v”, “g”) revised Article 71, subparagraphs “I” and “m” of the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, according to which “information technologies, ensuring security of an individual, society and the state when applying information technologies, and circulation of digital data” are under the authority of the Russian Federation.

Transformation of law in a global sense (not only its normative “envelope”) owes to the multidimensional nature of law, interpreted as a part of culture (García Cívico, 2018:13), and as a system of social communications (Antonov, Polyakov, Chestnov, 2013:78–95).

The synthetic understanding of law in the context of combination of sciences and arts that make up the “great anthropology” of human culture (Häberle, 2006:151; 2002:104; Häberle, Kotzur, 2003:5) seems relevant today, when human and individual is replaced by technical and typical; therefore it is important to refer to art as “a form of creativity, way of spiritual self-realization of a person through sensory and expressive means” (Ivin, 2004), form of social consciousness, and specific kind of practical-spiritual development of the world” (Il'ichyov, Fedoseev, Kovalyov, Panov, 1983), and to law as to art. Let us recall the definition of *law* introduced by Celsus, the ancient Roman lawyer, as “the art of good and justice” (*Jus est ars boni et aequi*).

S.S. Alekseev, a Soviet and Russian legal theorist, devoted several his works to the study of social value of law. He justified the importance of the value-based characteristic of law as a necessary and socially useful tool for social development, identified specific properties of law (normativity, formal certainty, coercion, and dynamism) and showed their social value in regulation of public relations. The scientist described law as an independent value due to its specific content, which is also reflected in the fact that “legal norms embody the prevailing moral principles, i.e., the basics of justice” (Alekseev, 2019: 47). The author highlighted the relationship between law and culture, noting that the properties of law, legal technique, and legal language can be characterized “as gradually accumulating elements of intangible spiritual culture” (Alekseev, 2019:201).

Professor Jesus Garcia Civico studied the relationship between law, society and culture from the perspective of the “man-society-culture-law relationship” (García Cívico, 2018:15).

Miguel Reale, legal theorist and philosopher, the author of the “three-dimensional theory of law”, believed that law involve normative (norm), factual, social and historical (fact), and ethical and moral (the value of justice, which is put as the task to be preserved) elements. According to Reale, through multiple forms of correlation between facts, values, and norms, arise and develop various legal experiences, which, in their turn, are mutually influenced and overlap (Reale, 1985:203–224, 1997).

A broad understanding of law in relation to other social institutions determines its role not only as a statutory regulator, but as a cultural and historical phenomenon. The increasingly spreading introduction of artificial intelligence into life effects the development of each of the elements of law (normative, factual and ethical). Legal science and philosophical thought are increasingly turning to the issue of future law. Several options for future law development have been substantiated (Khabrieva, 2018:15).

Using the Socratic method of posing questions in learning the truth, I will indicate several problems and judgments, which may encourage discussion about the future of law.

What is the role of the value-based core of law in the era of digitalization and robotization?

To analyze this issue, I will turn to the ideas of Emilio Serrano Villafaña, the legal theorist and philosopher, who looked at the progressive development of law through its goals and values (Serrano Villafaña, 1973–1974:466). The author did not deny the development of law in accordance with the spirit of the time: “...since social progress is, in its turn, the progress of civilization and culture, hence the progress of law reflects not only legal forms, but also the forms of civilization and culture of society that give it life. [...] Law must perform a progressive function and develop in accordance with time and with the reality and relationships it regulates” (Serrano Villafaña, 1973–1974:462–463). At the same time, Serrano distinguished “formal” and “substantial” progress of law. The former involves the technical aspect of law, the legislative expression of legal ideas, and their logical and clear expression (Serrano Villafaña, 1973–1974:469). According to the scientist, it is not the concern for the legal technique but for the goals and values that the norms are designed to implement that constitutes a perfect law and defines its functions. “The function of law is to reflect this changing social reality and regulate numerous legal relationships for the benefit of security, certainty, and common good; these are the goals of law among which justice is of prime importance” (Serrano Villafaña, 1973–1974:472).

It seems that this scholar's point of view can be accepted by modern scientific thought. Law regulates social relations, and therefore develops along with them. However, it is the goals and values of the law that determine its progressive development.

Is the new digital reality able to change the traditional values of law?

The formation of electronic culture which is taking place “on the basis of the process of global informatization of society, the development of digital technologies, creation of alternative computer reality, unified virtual environment of the Internet, is only a part of big changes associated with the emergence of a new type of society in line with scientific and technological development” (Kasavina, 2018:131).

New society — new values? Leaving this question open, I would like to note that the content of universal principles of law, including equality³, rationality, etc. is at risk of modification, since scientific and technical progress contributes to the formation of new standards of life and work, and artificial intelligence offers society “highly developed and intelligent machines” that compete with humans by analyzing large amounts of information and independently solving problems.

Can introduction of artificial intelligence into legal activities effect the relationship between law and human consciousness? As professor N.A. Vlasenko argued “Law is a phenomenon of consciousness that expresses the objective values and requirements of human existence and is the unconditional source and absolute criterion of all human institutions” (Vlasenko, 2012:121).

We cannot ignore the fact that besides human activity a “machine” is being introduced into legal practice, which makes the issues of acceptable limits and legal principles of artificial intelligence participation in the process of legal decision-making, as well as scientific verification and control of the operation of such artificial systems relevant.

Neuroethics, which claims to constitute morality of a new neuro-improved society, where cognitive improvement and artificial intelligence will prevail, and a naturalistic paradigm in understanding of morality is gaining popularity (Sidorova, 2018:79).

Thus, the relationship between “law and robotization” can be looked at as an ethical problem, where a new relationship between man and technology is being formed. What will they be like? Will they move towards “technical humanism” (Sanz Larruga, 1997:516) or return to traditional values of humanism, following the *circle* of “humanism — posthumanism — transhumanism — technohumanism — humanism” (Yakovleva, 2014:40–42)?

³ “Such transhumanistic perspectives, from the point of view of F. Fukuyama (Fukuyama, F. *The World's Most Dangerous Ideas: Transhumanism*. Foreign Policy. 2004. No. 144. 42–43), pose a threat to one of the most important ideas of a democratic society — the idea of equality. After all, there may be people more perfect than their peers, people who are physically more resilient and more intelligent” (Cit. by: Sinica, 2015: 419–423).

These neuroscience data allow us to replace part of the human intellectual operations with machine operations. The sensory and emotional spheres of a person, which are the basis of creative activity, have also become the “object of pretension” by artificial intelligence. Scholars express different opinions on this issue. One of them stems from the idea that “Art and feelings cannot be replaced by artificial intelligence” (Zhilkin, 2018:19). Another allows for the possibility of introducing artificial intelligence into the emotional domain, in case emotions are “recognized as another way of thinking” (Minsky, 2006), thus admitting “the possibility of a machine analog to such type of thinking” (Karpov, Gotovcev, Rojzenzon, 2018:91).

Law in the context of axiological methodology is based on values. The conditionality of values by human activity (“only for man and only through man does reality acquire a value character”) (Rasheva, Gomonov, 2006:173), allows us to assert that law at the value-based level cannot be replaced by artificial intelligence acting through algorithms and schemes, invented by person.

What are the mechanisms for preserving the essential core of law?

Universal principles of law, which are based on moral and ethical nature and express cultural and historical traditions, reflect the values of law.

International law demonstrates various forms of implementing the concept of justice (Tolstyh, 2009:188) and other legal values.

These include imperative norms of general international law (*jus cogens*), treaties and customary rules, general principles of law recognized by civilized nations, and a special mechanism for resolving disputes called *ex aequo et bono* (in justice and fairness).

Thus, in accordance with Article 38 of the Statute of the International Court of Justice: “The court, which is obliged to resolve disputes referred to it on the basis of international law, shall apply: a) international conventions, whether general or special, establishing rules expressly recognized by the contesting states; b) international custom as evidence of universal practice recognized as a rule of law; c) general principles of law recognized by civilized nations; d) subject to the provision referred to in Article 59, the judicial decisions and doctrines of the most qualified public law specialists of various nations as an auxiliary means for determining the principles of law”. Under Article 38, paragraph 2, of the Statute, the Court may decide a case *ex aequo et bono* if the parties agree so⁴.

Article 34 of the MERCOSUR Permanent Appeals Court stipulates that *ad hoc* arbitrations and the Permanent Appeals Court may resolve disputes *ex aequo et bono* if the parties agree so⁵.

⁴ Statute of the International Court of Justice, available at: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap2> (Accessed 10 June 2020).

⁵ Protocol de Olivos on the settlement of disputes in MERCOSUR of 18 February 2002, available at: http://www.tprmercosur.org/es/docum/Protocolo_de_Olivos_es.pdf (Accessed 10 June 2020).

The possibility of applying generally recognized principles and norms of international law, as well as international customs as evidence of universal practice recognized as a legal norm, is stipulated in Clause 50 of the Statute of the Court of the Eurasian Economic Union (Annex No. 2 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dd. May 29, 2014)⁶.

The application of general principles of law and international customs by courts makes it possible to form a value-based component in judicial decisions based on the provisions of natural justice. As Professor T.N. Neshataeva argues “The latest practice of European courts shows the need to provide a new understanding of human rights in order to resolve contradiction between natural justice and scientific progress: the courts deal with cases of euthanasia, sex change operations and human cloning. In the absence of positive law, all these disputes are considered in terms of priority of human rights” (Neshataeva, 2004).

The decision of the Court of the European Union of 8 April 2014 in the case “Digital Rights Ireland Ltd v Minister for Communications, Marine and Natural Resources and Others and Kärntner Landesregierung and Others” the Directive of the European Parliament and the Council 2006/24 /EC of 15 March 2006 on data retention obtained or processed by providing publicly available electronic communications services or networks and amending Directive 2002/58/EC was considered invalid⁷ because it entailed extensive and serious interference in the fundamental human rights concerning respect of private life and protection of personal data.

Regarding the application of Article 8 of the European Convention on human⁸ rights, the European Court of Human Rights explained that “in accordance with the development of modern technologies, the concept of “correspondence” covers telephone and fax communications, e-mail, pager communication and Internet use, as well as letters by regular mail⁹. Other means of communication may also fall within the scope of Article 8 of the Convention in the future [...]” (Harris, O’Boyle, Warbrick, 1995).

⁶ Statute of the Court of the Eurasian Economic Union (Annex No. 2 to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014). Computer-Assisted Legal Research System “Consultant Plus” (Accessed 10 June 2020).

⁷ Judgment of the Court (Grand Chamber) 8 April 2014, C-293/12 and C-594/12, available at: <http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62012CJ0293&lang1=en&type=TEXT&ancre=> (Accessed 19 June 2020).

⁸ Note: Article 8 of the European Convention on Human Rights “Right to respect for private and family life

1. Everyone has the right to respect for his private and family life, his home and his correspondence.
2. There shall be no interference by a public authority with the exercise of this right except such as is in accordance with the law and is necessary in a democratic society in the interests of national security, public safety or the economic wellbeing of the country, for the prevention of disorder or crime, for the protection of health or morals, or for the protection of the rights and freedoms of others”, available at: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (Accessed 19 June 2020).

⁹ Halford v. UK, 1997-III, 24 EHRR 523; Taylor-Sabori v. UK, HUDOC (2002), 36 EHRR 248; Copland v. UK, 2007-I, 45 EHRR 858; Kennedy v. UK, HUDOC (2010), 52 EHRR 207.

International organizations are searching for balance between application of artificial intelligence and respect for human rights.

The 2005 Declaration on Human Rights and the Rule of Law in the Information Society states that the rights and freedoms enshrined in the European Convention on Human Rights must be guaranteed to all without exception, regardless of the technical means used¹⁰.

In April 2020, the Committee of Ministers of the Council of Europe adopted Recommendation CM/Rec (2020) 1 to member States on the impact of algorithmic systems on human rights¹¹, which specifies a set of guidelines calling on governments to ensure respect for human rights when using, developing or purchasing algorithmic systems. States should ensure that algorithmic systems take into account reliability, confidentiality, data protection and security guarantees in order to prevent and reduce the risk of human rights violations and other adverse consequences for individuals and society¹².

Earlier, the European Commission for the Efficiency of Justice adopted the European Ethical Charter on the Use of Artificial Intelligence in Judicial Systems and their Environment on December 3, 2018¹³. This document sets forth the principles of using artificial intelligence in judicial systems and their environment: 1) the principle of respect for fundamental rights; 2) the principle of non-discrimination; 3) the principle of quality and safety; 4) the principle of transparency, impartiality, and reliability; 5) the principle of user control. The document states that the use of tools and services based on artificial intelligence must be carried out in good faith, taking into account the basic human rights specified in the European Convention on Human Rights and the Convention on the Protection of Personal Data, as well as in accordance with other fundamental principles set forth in the Charter.

The conducted research allows us to look at law in the interdisciplinary context and ensure that modern problems of jurisprudence may only be studied with the holistic approach. The complex nature of modern jurisprudence, its “inseparable” inclusion in the system of scientific knowledge, implies making a fully justified “legal” decision of any type and level only in the interplay of legal knowledge and data of

¹⁰ Declaration of the Committee of Ministers on human rights and the rule of law in the Information Society CM (2005) 56 final, available at: http://www.ifapcom.ru/files/Deklaratsiya_Komiteta_ministrov_o_ppravah_cheloveka_i_verhovenstve_prava_v_informatsionnom_obschestve.pdf (Accessed 23 June 2020).

¹¹ Recommendation CM/Rec(2020)1 of the Committee of Ministers to member States on the human rights impacts of algorithmic systems. Adopted by the Committee of Ministers on 8 April 2020 at the 1373rd meeting of the Ministers’ Deputies, available at: https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectId=09000016809e1154 (Accessed 8 June 2020).

¹² Algorithms and automation: Council of Europe issues guidelines to prevent human rights breaches, available at: https://search.coe.int/directorate_of_communications/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016809e1f15 (Accessed 8 June 2020).

¹³ European Charter of Ethics on the use of artificial intelligence in judicial systems and the realities around them, available at: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (Accessed 8 June 2020).

other, primarily social, sciences (Tarasov, 2019:126). Today, binding with natural science disciplines is also of great importance.

It is obvious that artificial intelligence is embedded in society, partially replacing the intellectual activity of a person. It is important to find the place of the human being and their humanistic nature in the emerging digital society, thus it is fundamental to preserve the value-based ideals of humanism.

Law, as a social institution, will undoubtedly undergo and is undergoing changes. At the same time, “it is necessary to overcome the obvious underestimation of the mechanisms of formation of legal consciousness and legal behavior in science and practice. Otherwise, only “textual” law will remain” (Tikhomirov, 2020). Raising the role of law and rule through education, upbringing, and ideology is one of the directions of development of the legal culture of society. At the same time, scientists have yet to comprehend the possibilities of harmonizing the values of law and digitalization of social life.

The important issue is how law can preserve its essence without turning into technology. Let us answer this question metaphorically: “I imagine this measure to be something extremely thin — a razor blade, because it is often as difficult to find it, implement, and observe it as it is to walk on a razor blade that is almost invisible due to its extreme sharpness” (Efremov, 2017:69). “You should not take my expression about walking on a razor blade literally ... it is rather the highest subtlety of decisions, research, laws and morals and, of course, the choice of direction” (Efremov, 2017:702). One of the ways is to appeal to the universal principles of law as a starting point from a moral and ethical basis, as well as to find a balance between scientific and technological progress and human rights.

References / Библиографический список

- Alekseev, S.S. (2019) *Social'naya cennost' prava v sovetskom obshchestve [The social value of law in Soviet society]*. S. S. Alekseev; Foreword by S. A. Stepanov; Introductory article by A.P. Semitko. Yekaterinburg: University of the Humanities. LXXX. (Series “Purpose and Power of Law”). (in Russian).
- Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев; предисловие С. А. Степанова; вступительная статья А. П. Семитко. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. LXXX, 223 с. (Серия «Предназначение и могущество права»).*
- Antonov, M.V., Polyakov, A.V., Chestnov, I.L. (2013) *Kommunikativnyi podhod i rossiiskaya teoriya prava [The communicative approach and the Russian theory of law]*. *Jurisprudence*. 6 (311), 78–95. (in Russian).
- Антонов М.В., Поляков А.В., Честнов И.Л. Коммуникативный подход и российская теория права // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 78–95.*
- García Cívico, J. (2018) *Derecho y cultura: una dimensión cultural del derecho. Anuario Facultad de Derecho — Universidad de Alcalá XI*. 3–43. (in Spanish).
- Häberle, P. (2002) *Pluralismo y Constitución*. España. Editorial: Tecnos. (in Spanish).
- Häberle, P. (2006) *Verdad y Estado constitucional*. México D.E., Instituto de investigaciones jurídicas, Universidad Nacional Autónoma de México. (in Spanish).

- Häberle, P., Kotzur, M. (2003) *De la soberanía al derecho común: palabras clave para un diálogo europeo-latinoamericano*. México: UNAM. (in Spanish).
- Efremov, I.A. (2017) *Lezvie britvy [Razor blade]*. Saint-Petersburg, “Alphabet-Atticus” Publ. (in Russian).
Ефремов И.А. Лезвие бритвы. СПб.: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017.
- Harris, DJ, O’Boyle, M, Warbrick, C. (1995) *Law of the European Convention on human rights*. Butterworths, London, Dublin, Edinburgh.
- Ivin, A.A. (ed.) (2004) *Filosofiya: Enciklopedicheskii slovar' [Philosophy: Encyclopedic Dictionary]*. Moscow, Gardariki Publ. (in Russian).
Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
- Il'ichyov, L.F., Fedoseev, P.N., Kovalyov, S.M., Panov, V.G. (eds.) (1983) *Filosofskii enciklopedicheskii slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]*. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ. (in Russian).
Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
- Karpov, V.E., Gotovcev, P.M., Rojzenzon, G.V. (2018) K voprosu ob etike i sistemah iskusstvennogo intellekta [To the question of ethics and artificial intelligence systems]. *Philosophy and Society*. (2), 84–105. (in Russian).
Карпов В.Э., Готовцев П.М., Ройзензон Г.В. К вопросу об этике и системах искусственного интеллекта // *Философия и общество*, 2018. № 2. С. 84–105.
- Kasavina, N.A. (2018) Chelovek i tekhnika: ambivalentnost' elektronnoi kul'tury [Man and technology: the ambivalence of electronic culture]. *Epistemology and Philosophy of Science*. (55) 4, 129–142. (in Russian).
Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // *Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 4. С. 129–142.
- Khabrieva, T.Ya. (2018) Law Facing the Challenges of Digital Reality. *Journal of Russian Law*. (9), 5–16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1. (in Russian).
Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // *Журнал российского права*. 2018. № 9. С. 5–16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1.
- Khalin, V.G., Chernova, G.V. (2018) Digitalization and its impact on the russian economy and society: advantages, challenges, threats and risks. *Administrative Consulting*. (10), 46–63. (in Russian).
Халин В.Г., Чернова Г.В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // *Управленческое консультирование*. 2018. № 10. С. 46–63.
- Krawietz, W. (1998) Sistemas jurídicos modernos en transición. Sobre la comunicación jurídica en las teorías contemporáneas de las normas y de la acción. *Doxa. Universidad de Alicante. Área de Filosofía del Derecho*. (21), 1. 123–143. (in Spanish).
- Minsky, M. (2006) *The Emotion Machine: Commonsense Thinking, Artificial Intelligence, and the Future of the Human Mind*. New York: Simon & Schuster.
- Neznamov, A.V., Naumov, V.B. (2017) Voprosy razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike v Rossii i v mire [Issues of the development of legislation on robotics in Russia and in the world]. *Legal Studies*. (8), 14–25. (in Russian).
Незнамов А.В., Наумов В.Б. Вопросы развития законодательства о робототехнике в России и в мире // *Юридические исследования*, 2017. № 8. С. 14–25.

- Ponkin, I.V., Redkina, A.I. (2018) *Iskusstvennyi intellekt s tochki zreniya prava* [Artificial Intelligence from the Point of View of Law]. *RUDN Journal of Law*. 22 (1), 91–109. Doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109. (in Russian).
Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки, 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109. Doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109.
- Rasheva, N.Yu., Gomonov, N.D. (2006) *Cennost' prava v kontekste sistemy cennostej sovremenogo rossijskogo obshchestva* [The value of law in the context of the value system of modern Russian society]. *Vestnik MSTU*. (9) 1, 172–181. (in Russian).
Рашиева Н.Ю., Гомонов Н.Д. Ценность права в контексте системы ценностей современного российского общества // Вестник МГТУ, 2006. Том 9. № 1. С. 172–181.
- Reale, M. (1985) *Situación actual de la teoría tridimensional del derecho*. *Anales de la Cátedra Francisco Suárez*. (25), 203–224. (in Spanish).
- Reale, M. (1997) *Teoría tridimensional del Derecho: una visión integral del Derecho*. Madrid. Editorial: Tecnos. (in Spanish).
- Rostova, N.N. (2019) *Opposition «Human and Technology» as a Problem of Modern Philosophy*. *Voprosy filosofii i psikhologii*. (6) 1, 50–59. (in Russian).
Ростова Н.Н. Оппозиция «человек и техника» как проблема современной философии // Вопросы философии и психологии. 2019. № 6 (1). С. 50–59.
- Sanz Larruga, J. (1997) *El derecho ante las nuevas tecnologías de la información*. *Anuario da Facultade de Dereito da Universidade da Coruña*. (1), 499–516. (in Spanish).
- Serrano Villafaña, E. (1973–1974) *Funciones del derecho en la sociedad cambiante de nuestros días*. *Anuario de filosofía del derecho*. (17), 461–472. (in Spanish).
- Sidorova, T.A. (2018) *Neuroethics: between ethics and morality*. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*. 2 (1), 75–99. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-75-99. (in Russian).
Сидорова Т.А. Нейроэтика: между этикой и моралью // Идеи и Идеалы. 2018. № 2. Т. 1. С. 75–99. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-75-99.
- Sinica, A.S. (2015) *Moral'no-eticheskie aspekty teorii iskusstvennogo intellekta* [Moral and ethical aspects of the theory of artificial intelligence]. *Young scientist*. (18), 419–423. (in Russian).
Синица А.С. Морально-этические аспекты теории искусственного интеллекта // Молодой ученый. 2015. № 18. С. 419–423.
- Sinyukov, V.N. (2019) *Digital Law and Problems of Gradual Transformation of the Russian Legal System*. *Lex Russica*. 1(9), 9–18. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.009-018>. (in Russian).
Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex russica (Русский закон). 2019. № 1(9). С. 9–18. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.154.9.009-018>.
- Tarasov, N.N. (2019) *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki: metodologicheskie problemy yurisprudencii* [History and methodology of legal science: methodological problems of jurisprudence]. Moscow, Yurait Publ. (in Russian).
Тарасов Н.Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции. М.: Юрайт, 2019. 218 с.
- Tikhomirov, Yu.A. (2020) *Law: A Moment of Stillness or Anticipatory Impact on Social Processes*. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, (4), 5–16. DOI: 10.12737/jrl.2020.038. (in Russian).
Тихомиров Ю.А. Право: момент покоя или опережающее воздействие на социальные процессы // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 5–16. DOI: 10.12737/jrl.2020.038.

- Tolstyh, V.L. (2009) *Kurs mezhdunarodnogo prava [International Law Course]*. Moscow, Wolters Kluwer Publ. (in Russian).
Толстых В.Л. Курс международного права. М.: Волтерс Клувер, 2009. 1031 с.
- Vlasenko, N.A. (2012) Razumnost', pravo, pravotvorchestvo [Reasonableness, law, law-making]. *Legal Technique*. (6), 121–125. (in Russian).
Власенко Н.А. Разумность, право, правотворчество // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 121–125.
- Vlasova, E.M. (2015) Izmeneniye otnosheniya chelovek — tekhnika v sovremennom obshchestve: problemy novogo gumanizma [Changing the relationship between man and technology in modern society: problems of the new humanism]. *International Journal of Applied and Basic Research*. (1-1), 170–173. (in Russian).
Власова Е.М. Изменение отношения человек — техника в современном обществе: проблемы нового гуманизма // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 1-1. С. 170–173.
- Vojnikanis, E.A., Semenova, E.V., Tyulyaev, G.S. (2018) Iskusstvennyi intellekt i pravo: vyzovy i vozmozhnosti samoobuchayushchihsiya algoritmov [Artificial Intelligence and Law: Challenges and Possibilities of Self-Learning Algorithms]. *Bulletin of Voronezh State University. Series Law*. (4), 137–148. (in Russian).
Войниканис Е.А., Семенова Е.В., Тюляев Г.С. Искусственный интеллект и право: вызовы и возможности самообучающихся алгоритмов // Вестник ВГУ. Серия Право. 2018. № 4. С. 137–148.
- Yakovleva, E.L. (2014) Motion vector: humanism, posthumanism, transhumanism, technogumanizm and humanism. *Baltic Humanitarian Journal*. No. 2. 40–42. (in Russian).
Яковлева Е.Л. Вектор движения: гуманизм-постгуманизм-трансгуманизм-техногуманизм-гуманизм // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 2. С. 40–42.
- Zhilkin, V.A. (2018) Iskusstvennyi intellekt i cifrovye tekhnologii v yuridicheskoi deyatelnosti v cifrovoi real'nosti (na primere Finlyandii) [Artificial intelligence and digital technologies in legal activities in digital reality (on the example of Finland)]. *Journal of Foreign Law and Comparative Law*. (5), 16–21. (in Russian).
Жилкин В.А. Искусственный интеллект и цифровые технологии в юридической деятельности в цифровой реальности (на примере Финляндии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 16–21.

About the author:

Elena E. Rafalyuk — Candidate of Legal Sciences, Counsel of the Expert-Analytical Department of the Secretariat of the Court of the Eurasian Economic Union; 5 Kirova str., Minsk, 220006, Republic of Belarus

ORCID ID: 0000-0002-1563-8926

e-mail: rafaliuk_e@mail.ru

ПРАВО БУДУЩЕГО: ПОИСК НОВЫХ ИСТИН ИЛИ СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ?

Е.Е. Рафалюк

Секретариат Суда Евразийского экономического союза,
г. Минск, Республика Беларусь

Цифровизация экономики и общества, внедрение искусственного интеллекта в деятельность человека актуализируют ряд новых вопросов, касающихся как правового обеспечения данных процессов, так и направлений развития права как регулятивной системы, соотношения права и технологий. Понимание права во взаимосвязи с иными социальными институтами определяет его роль не только как нормативного регулятора, но как культурно-исторического явления. Целью исследования является анализ на основе междисциплинарного подхода проблемы изменения ценностного (этико-морального) элемента права в контексте развития технологий. Автор приходит к выводу о том, что прогресс права определяется защищаемыми им ценностями, к которым традиционно относились справедливость, равенство, добросовестность, разумность и др. Трансформация отношений человека и техники на современном этапе ставит вопрос о движении к технологическому гуманизму либо обращении к традиционному гуманизму. Автор формулирует гипотезу о том, что право в своей ценностной составляющей не может быть заменено искусственным разумом. Раскрываются формы закрепления ценностных идей в международном праве. На примере международных актов и судебной практики показывается, что международные организации находятся в поиске баланса между использованием искусственного интеллекта и соблюдением прав человека. Сделан вывод о том, что право способно сохранить свою сущностную основу, не превратившись в технику, обращаясь к универсальным принципам права, а также находя баланс между научно-техническим прогрессом и правами человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация, трансформация права, права человека, международные организации, принципы права, аксиология, ценности, нейротика, междисциплинарность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Перевод статьи с русского на английский язык выполнен Николаевой А.И.

Дата поступления в редакцию: 11 августа 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 октября 2020 г.

Для цитирования:

Рафалюк Е.Е. Право будущего: поиск новых истин или сохранение традиционных ценностей? / Пер. с русс. на англ. Николаева А.И. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 4. С. 843–863. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-843-863.

Право является частью социума и реагирует на все изменения, происходящие в нем. Цифровизация как общемировой тренд развития экономики и общества, основанный на преобразовании информации в цифровую форму (Khalin, Chernova, 2018:47), переход к иным формам общения посредством он-

лайн-технологий, внедрение дистанционных форм работы и образования, получившие широкое применение в период борьбы с пандемией COVID-19, без сомнения, влияют на развитие права как регулятивной системы.

Как заметил теоретик и философ права Вернер Кравиц, «...новые технологические возможности изменили практические возможности, которыми обладает человек в своих юридических действиях, но с ними и посредством их социальная реальность права также стала иной» (Krawietz, 1998:123).

Изменение отношений «человек — техника» (Vlasova, 2015:170–173, Kasavina, 2018:129–142, Rostova, 2019:50–59) как философская проблема ставит перед юридической наукой новый круг вопросов, касающихся как правового обеспечения цифровизации и различных правовых аспектов применения искусственного интеллекта, так и в целом развития права в цифровую эпоху и соотношения права и технологий¹⁴.

Применение искусственного интеллекта стремительно расширяется, в том числе в сфере юридической деятельности. «Происходит роботизация и технологизация юридической деятельности» (Khabrieva, 2018:13): самообучающиеся алгоритмы используются для анализа больших объемов данных и расследования преступлений¹⁵, искусственный интеллект применяется для выполнения определенных задач юриста (Ponkin, Redkina, 2018:91–109), в судебной и банковской деятельности, корпоративных процедурах (Vojnikanis, Semenova, Tyulyaev, 2018:140).

Расширяющаяся цифровизация порождает нормативную трансформацию (Tikhomirov, 2020).

Нормативная трансформация, как представляется, происходит в нескольких направлениях. Во-первых, развивается правовое регулирование различных аспектов использования искусственного интеллекта и робототехники (Neznamov, Naumov, 2017:14–25). Во-вторых, само право, как социальный институт, претерпевает изменения: «в него постепенно входят на правах субъектов и новых нетипичных объектов явления, по старой юридической классификации имеющие неживой, не субъектный и не объектный характер, — инженерия генома, биотехнологии, Интернет, искусственный интеллект» (Sinyukov, 2019:11).

¹⁴ В российской правовой доктрине вопросам развития права в цифровую эпоху посвящен ряд статей: Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* 2019. Т. 10. Выпуск 2. С. 196–209; Мажорина М.В., Терентьева Л.В., Шахназаров Б.А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // *Актуальные проблемы российского права.* 2019. № 5 (102). С. 169–182; Муратова О.В. Концепция транснационального потребительского права в современном мире // *Lex Russica.* 2019. № 7 (152). С. 20–28; Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // *Журнал российского права.* 2018. № 2. С. 5–17; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // *Журнал российского права.* 2018. № 1. С. 85–102; и др.

¹⁵ Donk, R. (2020) Using algorithms in police investigations, available at: <https://www.ru.nl/ai/news-events/news/vm-news/using-algorithms-police-investigations/> (Accessed 01 June 2020).

Так, можно отметить, что Законом Российской Федерации «О поправке к Конституции Российской Федерации» от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ (статья 1, п. 6, пп. «в», «г»)) внесены изменения в статью 71, пп. «и», «м» Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, согласно которым в ведении Российской Федерации находятся: «...информационные технологии...», «...обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных».

Трансформация права в глобальной смысле, не только его нормативной «оболочки», обусловлена многомерностью права, трактуемого как часть культуры (García Cívico, 2018:13), как система социальных коммуникаций (Antonov, Polyakov, Chestnov, 2013:78–95).

Синтетическое понимание права в контексте объединения наук и искусств, составляющих «великую антропологию» человеческой культуры (Häberle, 2006:151; 2002:104; Häberle, Kotzur, 2003:5), представляется актуальным сегодня, когда человеческое и индивидуальное заменяется техническим и типовым, и потому важно обращение к искусству как «форме творчества, способу духовной самореализации человека посредством чувственно-выразительных средств» (Ivin, 2004), «форме общественного сознания, специфического рода практически-духовного освоения мира» (Ilichyov, Fedoseev, Kovalyov, Panov, 1983), а к праву как к искусству. Вспомним определение «права» древнеримского юриста Цельса как «искусства добра и справедливости» («Jus est ars boni et aequi»).

Исследованию социальной ценности права посвятил ряд своих работ советский и российский теоретик права С.С. Алексеев. Он обосновал важность ценностной характеристики права как необходимого, социально полезного инструмента общественного развития, выявил особые свойства права (нормативность, формальная определенность, принуждение, динамизм) и показал их социальную ценность в регулировании общественных отношений. О праве как самостоятельной ценности ученый писал в связи с его специфическим содержанием, которое выражается также в том, что «юридические нормы воплощают в себе господствующие моральные принципы, начала справедливости» (Alekseev, 2019:47). Автор подчеркивал взаимосвязь права и культуры, отмечая, что свойства права, юридическую технику, правовой язык можно характеризовать «в виде постепенно накапливающихся элементов нематериальной духовной культуры» (Alekseev, 2019:201).

Профессор Хесус Гарсиа Цивико рассматривает взаимосвязь права, общества и культуры в ракурсе отношений «человек — общество — культура — право» (García Cívico, 2018:15).

Теоретик и философ права Мигел Реале, автор «трехмерной теории права», считал, что элементами права являются: нормативный (норма), фактологический, социальный и исторический (факт) и этико-нравственный (ценность справедливости, которую ставится задача сохранить). Согласно Реале через множественные формы корреляции между фактами, ценностями и нормами

возникают и развиваются различные круги юридического опыта, которые в свою очередь находятся под взаимным влиянием и перекрываются (Reale, 1985:203–224; 1997).

Широкое понимание права во взаимосвязи с иными социальными институтами определяет его роль не только как нормативного регулятора, но как культурно-исторического явления. Все более распространяющееся внедрение искусственного интеллекта в жизнь влияет на развитие каждого из элементов права (нормативного, фактического и этического). Юридическая наука и философская мысль все чаще обращаются к проблеме будущего права. Обосновывается несколько вариантов развития права в будущем (Khabrieva, 2018:15).

Используя «сократовский метод» постановки вопросов в познании «истины», обозначу несколько проблем и суждений о них, что возможно, станет поводом для продолжения дискуссии о будущем права.

Какова роль ценностного ядра права в эпоху цифровизации и роботизации?

Для анализа данного вопроса обращаюсь к идеям теоретика и философа права Эмилио Серрано Вильяфанье, рассматривающего прогрессивное развитие права через его цели и ценности (Serrano Villafañe, 1973–1974:466). Автор не отрицал развития права в соответствии с духом времени: «...Поскольку социальный прогресс — это, в свою очередь, прогресс цивилизации и культуры, отсюда и прогресс права отражает не только юридические формы, но и формы цивилизации и культура общества, которые дают ему жизнь. [...] Право должно выполнять прогрессивную функцию и развиваться в соответствии со временем и с реальностью и отношениями, которые оно регулирует» (Serrano Villafañe, 1973–1974:462–463). Вместе с тем Серрано различал «формальный» и «сущностный» прогресс права. Первый предполагает технический аспект права, законодательное выражение правовых идей, их логичное и ясное выражение (Serrano Villafañe, 1973–1974:469). По мнению ученого, не столько забота о юридической технике, сколько о целях и ценностях, которые нормы призваны реализовать, это то, что образует совершенный закон и определяет функции права. «Функция права состоит в том, чтобы отразить эту изменяющуюся социальную реальность и регулировать ее многочисленные правовые отношения для безопасности, определенности, общего блага, которые являются целями права. Первичной целью права является справедливость» (Serrano Villafañe, 1973–1974:472).

Представляется, что точка зрения ученого может быть воспринята современной научной мыслью. Право регулирует общественные отношения, и, следовательно, развивается вместе с ними. Однако именно цели и ценности права и их вектор определяют его прогрессивное развитие.

Способна ли новая цифровая реальность изменить традиционные ценности права?

Формирование электронной культуры, происходящее «на основе процесса глобальной информатизации общества, развития цифровых технологий, создания компьютерной альтернативы реальности, единой виртуальной среды Интернета, представляет собой лишь часть больших изменений, связанных с появлением нового типа общества в русле научно-технического развития» (Kasavina, 2018:131).

Новое общество — новые ценности? Оставляя данный вопрос открытым, отмечу, что содержание универсальных принципов права, в числе которых равенство¹⁶, разумность, и др. находится в «зоне риска» модификации, ввиду того, что научно-технический прогресс способствует формированию новых стандартов жизни и труда, а искусственный интеллект предлагает обществу «высокоразвитые и умные машины», которые анализируя большие объемы информации и самостоятельно решая задачи, конкурируют с человеком.

Способно ли внедрение искусственного интеллекта в юридическую деятельность влиять на взаимосвязь права и разума человека? Как отмечает профессор Н.А. Власенко, «Право представляет собой феномен разума, выражающий объективные ценности и требования человеческого бытия и является безусловным источником и абсолютным критерием всех человеческих установлений» (Vlasenko, 2012:121).

Нельзя не учитывать того, что в юридическую деятельность, помимо человека, внедряется «машина», отсюда актуальными становятся вопросы допустимых пределов и правовых принципов участия искусственного интеллекта в процессе принятия юридических решений, а также научной верификации и контроля работы таких искусственных систем.

Получает распространение «нейроэтика», претендующая на основание морали нового нейроулучшенного общества, в котором победит когнитивное усовершенствование и искусственный интеллект, натуралистическая парадигма в понимании морали (Sidorova, 2018:79).

Таким образом, взаимоотношения «права и роботизации» переходят в плоскость этической проблемы, где формируются новые отношения человека и техники. Какими они будут? В направлении движения к «техническому гуманизму» (Sanz Larruga, 1997:516) или возврата к традиционным ценностям гуманизма, пройдя «круг» «гуманизм — постгуманизм — трансгуманизм — техногуманизм — гуманизм» (Yakovleva, 2014:40–42)?

¹⁶ «Подобные трансгуманистические перспективы, с точки зрения Ф. Фукуямы (Fukuyama, F. *The World's Most Dangerous Ideas: Transhumanism // Foreign Policy*. 2004. No. 144. 42–43), несут угрозу одной из важнейших идей демократического общества — идее равенства. Ведь могут возникнуть люди более совершенные, чем их сверстники, люди, физически более выносливые и более умные» (Цит. по: Sinica, 2015:419–423).

Данные нейронаук позволяют замещать часть интеллектуальных операций человека машинными. Чувственная и эмоциональная сферы человека, являющиеся основой творческой деятельности, также становятся «объектом притязаний» искусственного интеллекта. По данному вопросу высказываются разные позиции. Одна из них основана на том, что «Искусство и чувства невозможно заменить искусственным интеллектом» (Zhilkin, 2018:19). Другая же допускает возможность внедрения искусственного интеллекта в эмоциональную область, если эмоции «рассматривать как еще один вариант мышления» (Minsky, 2006), и таким образом, «возможность появления машинного аналога этого типа мышления» (Karpov, Gotovcev, Rojzenzon, 2018:91).

Право в контексте аксиологической методологии базируется на ценностях. Обусловленность ценностей деятельностью человека («только для человека и только через человека реальность приобретает ценностный характер») (Rasheva, Gomonov, 2006:173), позволяет предложить вывод о том, что право на ценностном уровне не может быть заменено искусственным разумом, источником которого являются алгоритмы и схемы, изобретенные человеком.

Каковы механизмы сохранения сущностного ядра права?

Универсальные принципы права, имеющие в своей основе морально-этическую природу и выражающие культурно-исторические традиции, отражают ценности права.

В международном праве есть различные формы проведения концепции справедливости (Tolstyh, 2009:188) и иных ценностей права.

К ним относятся императивные нормы общего международного права (*jus cogens*), договорные и обычные нормы, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, а также специальный механизм разрешения споров «*ex aequo et bono*» (по добру и справедливости).

Так, в соответствии со статьей 38 Статута Международного суда ООН: «1. Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет: а) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами; б) международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы; в) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями; д) с оговоркой, указанной в статье 59, судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм». Согласно пункту 2 статьи 38 Статута Суд может разрешать дело *ex aequo et bono*, если стороны с этим согласны¹⁷.

¹⁷ Статут Международного суда ООН, available at: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap2> (Accessed 10 June 2020).

В статье 34 Постоянного апелляционного суда Меркосур закреплено, что арбитражи *ad hoc* и Постоянный апелляционный суд могут решать споры *ex aequo et bono*, если стороны выразят на это согласие¹⁸.

Возможность применения общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных обычаев как доказательства всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы, закреплена в пункте 50 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года)¹⁹.

Применение общих принципов права и международных обычаев судами позволяет формировать ценностный компонент в судебных решениях на основе положений естественного права. Как пишет профессор Т.Н. Нешатаева, «...Новейшая практика европейских судов свидетельствует о необходимости давать новое понимание прав человека с целью разрешения противоречия между естественным правом и достижениями научного прогресса: в судах рассматриваются дела об эвтаназии, операциях по изменению пола и о клонировании человека. В отсутствие позитивного права все эти споры рассматриваются на основе принципа верховенства прав человека» (Neshataeva, 2004).

Решением Суда Европейского Союза от 8 апреля 2014 года по делу «Digital Rights Ireland Ltd v Minister for Communications, Marine and Natural Resources and Others and Kärntner Landesregierung and Others» Директива Европейского парламента и Совета 2006/24 /ЕС от 15 марта 2006 года о сохранении данных, полученных или обработанных в связи с предоставлением общедоступных услуг электронной связи или сетей общего пользования, и изменяющая Директиву 2002/58/ЕС, была признана недействительной²⁰ по причине того, что она повлекла за собой широкомасштабное и серьезное вмешательство в основополагающие права человека на уважение частной жизни и защиту личных данных.

Европейский Суд по правам человека относительно применения статьи 8 Европейской конвенции по правам человека²¹ разъяснил, что «В соответствии с развитием современных технологий понятие “корреспонденция” охватывает

¹⁸ Протокол де Оливос о разрешении споров в Меркосур от 18 февраля 2002 года, available at: http://www.tprmercosur.org/es/docum/Protocolo_de_Olivos_es.pdf (Accessed 10 June 2020).

¹⁹ Статут Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) // СПС «Консультант Плюс» (Accessed 10 June 2020).

²⁰ Judgment of the Court (Grand Chamber) 8 April 2014, C-293/12 and C-594/12, available at: <http://curia.europa.eu/juris/celex.jsf?celex=62012CJ0293&lang1=en&type=TXT&ancre=> (Accessed 19 June 2020).

²¹ Примечание: Статья 8 Европейской конвенции по правам человека. «Право на уважение частной и семейной жизни: 1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. 2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц», available at: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (Accessed 19 June 2020).

телефонную и факсимильную связи, электронную почту, общение по пейджеру и использование Интернета, а также письма по обычной почте²². Другие способы связи также могут относиться к сфере действия статьи 8 Конвенции в будущем [...]» (Harris, O'Boyle, Warbrick, 1995).

Международные организации находятся в поиске баланса между использованием искусственного интеллекта и соблюдением прав человека.

В Декларации о правах человека и верховенстве права в информационном обществе 2005 года заявляется, что осуществление прав и свобод, закрепленных в Европейской конвенции по правам человека, должно быть обеспечено для всех без исключения, независимо от используемых технических средств²³.

В апреле 2020 года Комитетом министров Совета Европы была принята Рекомендация CM/Rec(2020)1 государствам-членам о влиянии алгоритмических систем на права человека²⁴, в которой обозначен ряд руководящих принципов, призывающих правительства обеспечить соблюдение прав человека при использовании, разработке или закупке алгоритмических систем. Государства должны обеспечивать, чтобы алгоритмические системы учитывали надежность, конфиденциальность, защиту данных и гарантии безопасности с целью предотвращения и уменьшения риска нарушений прав человека и других неблагоприятных последствий для отдельных лиц и общества²⁵.

Ранее Европейской комиссией по эффективности правосудия была принята «Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих реалиях» от 3 декабря 2018 года²⁶. Этот документ закрепляет принципы использования искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях: 1) Принцип уважения основополагающих прав; 2) Принцип недискриминации; 3) Принцип качества и безопасности; 4) Принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности; 5) Принцип контроля пользователем. В документе отмечается, что использование инструментов и услуг на основе искусственного интеллекта должно осу-

²² Halford v. UK, 1997-III, 24 EHRR 523; Taylor-Sabori v. UK, HUDOC (2002), 36 EHRR 248; Copland v. UK, 2007-I, 45 EHRR 858; Kennedy v. UK, HUDOC (2010), 52 EHRR 207.

²³ Декларация Комитета министров о правах человека и верховенстве права в Информационном Обществе CM (2005) 56 final, available at: http://www.ifapcom.ru/files/Deklaratsiya_Komiteta_ministrov_o_pravah_cheloveka_i_verhovenstve_prava_v_informatsionnom_obschestve.pdf (Accessed 23 June 2020).

²⁴ Recommendation CM/Rec(2020)1 of the Committee of Ministers to member States on the human rights impacts of algorithmic systems. Adopted by the Committee of Ministers on 8 April 2020», available at: https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectId=09000016809e1154 (Accessed 8 June 2020).

²⁵ Algorithms and automation: Council of Europe issues guidelines to prevent human rights breaches», available at: https://search.coe.int/directorate_of_communications/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016809e1f15.

²⁶ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, available at: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (Accessed 8 June 2020).

ществляться добросовестно, с учетом основных прав человека, изложенных в Европейской Конвенции по правам человека и Конвенции о защите персональных данных, а также в соответствии с другими основополагающими принципами, изложенными в Хартии.

Проведенное в данной статье исследование позволяет еще раз обратиться к праву в контексте междисциплинарности и убедиться в том, что современные проблемы юриспруденции находятся в плоскости взаимодействия наук. Комплексный характер современной юриспруденции, ее «неразрывная» включенность в систему научного познания предполагает принятие всесторонне обоснованного «юридического» решения любого вида и уровня только во взаимосвязи юридического знания с данными иных, прежде всего общественных наук (Tarasov, 2019:126). Сегодня важна связь и с естественно-научными дисциплинами.

Очевидно, что искусственный интеллект встраивается в социум, частично заменяя собой интеллектуальную деятельность человека. Представляется важным найти место человека и человеческого в формирующемся цифровом обществе, и здесь основополагающее значение имеет сохранение ценностных идеалов гуманизма.

Право, являясь социальным институтом, без сомнения будет претерпевать и претерпевает изменения. Вместе с тем «предстоит преодолеть явную недооценку механизмов формирования правового сознания и правового поведения в науке и практике. В противном случае останется лишь «текстовое» право» (Tikhomirov, 2020). Повышение роли права и закона через образование, воспитание, идеологию — одно из направлений развития правовой культуры общества. При этом ученым еще предстоит осмыслить возможности гармонизации ценностей права и цифровизации общественной жизни.

Важен вопрос о том, как праву сохранить в себе его сущность, не превратившись в технику? Ответим на этот вопрос метафорически: «Я представляю себе эту меру чем-то крайне тонким — лезвием бритвы, потому что найти ее, осуществить, соблюсти нередко так же трудно, как пройти по лезвию бритвы почти невидимому из-за чрезвычайной остроты» (Efremov, 2017:69). «Нельзя понимать мое выражение о пути по лезвию бритвы буквально ... это скорее высшая тонкость решений, исследований, законов и морали и, конечно, выбора направления» (Efremov, 2017:702). Одним из таких способов является обращение к универсальным принципам права, являющимся его исходным началом, несущим в себе морально-этическую основу, а также поиск баланса между научно-техническим прогрессом и правами человека.

Об авторах:

Елена Евгеньевна Рафалиук — кандидат юридических наук, советник экспертно-аналитического отдела, Секретариат Суда Евразийского экономического союза; 220006, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Кирова, д. 5

ORCID ID: 0000-0002-1563-8926

e-mail: rafaliuk_e@mail.ru